

Н. Н. Наумов

МЯТЕЖ ВЕНГЕРСКОЙ ЗНАТИ В 1401 ГОДУ

В статье рассматривается один из малоизученных внутривосточных конфликтов в позднесредневековой истории Венгерского королевства в свете вопроса о его глубинной причине, характере, итогах и исторических последствиях. Исследование основано на анализе комплекса документов: грамот, изданных королём Сигизмундом и его политическими оппонентами, предводителями виднейших кланов венгерской знати. Предложен новый подход к нарративным источникам: сообщениям венгерского хрониста Яноша Туроци, а также свидетельствам иностранцев. После рассмотрения двух трактовок мятежа 1401 г., предложенных венгерской медиевистикой XX в., исследование проводится при активном привлечении хроники Туроци, что подтверждает правоту тех учёных, которые видели в рассматриваемом событии спланированный заговор придворной элиты против своего короля. Автор статьи пришёл к следующим выводам. Глубинной причиной конфликта было стремление «старой аристократии» прежней Анжуйской эпохи удержать свой контроль над Сигизмундом – молодым королём из чужеземной династии, который в 1401 г. получил шанс овладеть Чешским королевством и использовать чешскую знать в противовес венгерской. При этом каждый клан преследовал, в первую очередь, собственные выгоды, о чем свидетельствует сговор Сигизмунда с одним из предводителей мятежников – Миклошем Гараи. Мятеж 1401 г. окончился поражением «старой аристократии»; при этом победа Сигизмунда была бы невозможна без уступок по отношению ко клану Гараи, на которые король был вынужден пойти. Историческое значение мятежа состоит в том, что этот отдельный клан венгерской знати оказался в состоянии реализовать свои властные притязания, выступая не как соперник короля, но как его ключевой партнёр, чья верность требовала от правителя вознаграждений. Тем не менее Сигизмунд сумел выстроить в Венгерском королевстве контролируемую политическую систему, в рамках которой дисперсия власти превратилась в инструмент реализации королевской политики.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский, Миклош Гараи-Младший, клан Розгони, венгерская знать, внутривосточные конфликты, политический диалог, позднесредневековые монархии, нарративные источники, «Хроника венгров» Яноша Туроци, социально-политическая история, Центральная Европа в XV в.

Характерной чертой позднесредневековой европейской монархии был дуализм власти, который в определённых условиях обретал форму открытого соперничества между королём и сословиями [Хачатурян 2008, 9–11]. Венгерское королевство не составляло исключения: здесь на протяжении XIV–XV вв. основным партнёром, а временами – и соперником монарха на политическом поле выступала верхушка должностной иерархии – венгерские прелаты и бароны [Eckhart, Bónis 1953, 68]. Острым проявлением такой тенденции стал мятеж, который в 1401 г. поднял против короля Сигизмунда (1387–1437) целый ряд могущественных кланов венгерской знати (венг. *főnemesség*), из числа которой назначалось большинство сановников. В чём же глубинная причина этого события? Каким был его характер? В чём его значение – не только в контексте истории венгерского государства, но для общих путей эволюции политических отношений позднего Средневековья? Рассмотрение этого мятежа важно еще потому, что остаётся не вполне понятным сам исход мятежа. Формально король сохранил свой трон и потом ещё долгое время правил, до 1437 г., но при каких условиях это оказалось возможным? Необходимо дать трактовку события с исторической точки зрения: можно ли говорить о победе / поражении одной из сторон, или же о заключении некоторого рода компромисса? Кем были мятежники и каких целей они, собственно, добивались?

К сожалению, существующие источники, как нарративные, так и документальные, позволяют воссоздать непосредственный ход событий лишь в самом общем виде, что оставляет много неясностей. Мятеж начался в конце апреля 1401 г. с пленения короля*. Согласно сообщению венгерского хрониста Яноша Туроци, правителя захватили «мужи, имеющие власть в королевстве» (лат. *virī in regno potentes*); анонимная кельнская хроника использует иной термин, утверждая, что король был схвачен «своими земельными господами» (ср. в нем. *sine lantherren*): как станет ясно в дальнейшем, в данном случае справедливы оба исторических термина, так как речь идёт о держателях высших придворных должностей, чьи семьи располагали обширными аллодиальными доминиями. Заговорщики во главе со знатным мужем Шимоном Сечени поместили Сигизмунда под охрану в замок Шиклош, расположенный на Юге королевства и принадлежавший Гараи – одному из мятежных кланов [Chronik über Sigmund 1876, 348; Chronica Hungarorum 1766, 233]. Четыре месяца спустя, в среду, перед днём Св. Эгидия, 31 августа того же года, предводители мятежников заключили между собой договор, по которому согласились отпустить короля [ZsO 1956, 144]. Накануне праздника блаженных апостолов Симона и Иуды (29 октября 1401 г.) освобождённый Сигизмунд издал грамоту о примирении (лат. *reconciliacio*) «со всеми вместе и с каждым в отдельности» прелатом и бароном, не назвав даже их имён [CDH 1841, 75]. После этого он покинул королевство и возвратился в него лишь летом 1402 г., как можно судить по итинерарию, составленному П. Энгелем на основе известных королевских грамот [Itinerarium 2005, 78–79].

* Так, в грамоте от 1405 г. Сигизмунд объявил требующими повторного утверждения все грамоты, изданные «со дня блаженного Георгия Мученика» (28 апреля) 1401 г. Что король был схвачен в апреле 1401 г., подтверждает польский хронист Ян Длугosz, источник сведений которого неизвестен [CDH 1841, 380–381; Długosz 2009, 319].

Тогда одна часть мятежников вновь взбунтовалась против него, предложив венгерский трон Владиславу Неаполитанскому – представителю побочной ветви Анжуйской династии, правившей в Венгрии до избрания королём Сигизмунда Люксембургского. Факт повторной измены известен как из «Хроники венгров» Яноша Туроци, так и по грамотам, в которых присягали Владиславу мятежники, как, например, Хервоя из Спалато, боснийский воевода [Chronica Hungarorum 1766, 233–234; CDH 1841, 72–73]. Однако в 1402 г. они потерпели поражение от королевских войск, предводительствуемых польским фаворитом Сигизмунда Штибором из Штибориц, а также Миклошем Гарай-младшим – мятежником, перешедшим на сторону короля. Их заслуги описываются в соответствующих королевских грамотах о пожаловании им конфискованных земель [Wenzel 1874, 127–133; Hazai okmánytár 1880, 432–445].

При анализе мятежа 1401 г. в свете вопроса о его причинах, характере и последствиях в венгерской историографии получили своё применение два подхода к социально-политической истории позднего Средневековья. Одни историки (И. Сентпетери, Л. Элекеш, Й. Сюч) рассматривали этот мятеж как конкретно-историческое проявление «сословного движения» (венг. *rendi mozgalom*). В их трактовке речь шла о движении снизу, естественный импульс которому сообщила военная некомпетентность короля, бежавшего с поля боя при Никополе в 1396 году. Венгерские сословия (прелаты, бароны и нобили) прониклись сознанием той необходимости, «чтобы верховную власть взяла в свои руки сама нация, точнее же они сами, представляющие эту нацию», полагает Сентпетери [Szentpétery 1904, 760]. Преимущество такого подхода в том, что он рассматривает мятеж 1401 г. как один из кульминационных моментов соперничества между формирующимися сословиями и королём, тем самым включая его в обширный контекст предыдущей и последующей истории Венгерского королевства. В рамках такого подхода оказались возможными разные оценки рассматриваемого события: так, Л. Элекеш видел в нём «ущербное и застаревшее проявление баронской власти, законсервировавшей в себе пережитки раздробленности»; в то время как Й. Сюч считал его одной из вех зарождения в тогдашнем Венгерском королевстве идеи «общей пользы» как правовой основы современной государственности [Elekes 1962, 30; Szűcs 1984, 120]. Но кто в действительности выступил против Сигизмунда: определённые социальные группы с общими интересами или же отдельные кланы и люди, исходившие из своих частных намерений? Действовали ли предводители мятежа и после ареста короля сообща? Присутствовало ли в мотивах их поведения сознание «общей пользы граждан королевства», т.е. не только их самих (прелатов и баронов), но и всех лиц благородного статуса, включая дворян-нобилей, как утверждает И. Сентпетери на основании одной из грамот мятежников?

Иную картину представляют работы историков, не стремящихся объяснить политическую конъюнктуру эволюцией взаимоотношений короля и знати в феодальном обществе, но, напротив, на примере этого события проследить динамику правящего слоя и объяснить механизмы функционирования власти (Э. Маюс, П. Энгель, Э. Фюгеди). Труды П. Энгеля по политической просопографии и архонтологии убедительно показали, что предводителей мятежа

объединяла принадлежность к должностной элите королевства, назначаемой самим королём. Организаторами этого не спонтанного восстания, но обдуманного заговора были Янош Канижаи и Детре Бебек – действующие верховный канцлер и надор; упомянутый же выше Шимон Сечени, согласно кельнской хронике взявший короля под стражу, прежде носил должность придворного судьи [Archontológia 1996, 103; 122; Engel 2003, 236–238].

Как же получилось, что против короля взбунтовалось его непосредственное окружение: те люди, которых он с 1387 г. – с момента восшествия на престол, наделял должностями, замками и имениями? По мнению Э. Фюгеди, эта придворная элита лишь с формальной точки зрения была новой, назначенной самим Сигизмундом, в действительности же она принадлежала к «старой аристократии» (венг. *régi arisztokrácia*), происходя из тех кланов, которые были возвышены его предшественником, Людовиком Великим (1342–1382). Покровительствуемые юным королём, они в 1387–1401 гг. вроде бы и сохраняли ему верность, но по существу не были ему вполне подконтрольны. Тот факт, что в 1401 г. Сигизмунд не был убит, как Карл II Малый и королева-вдова Эржебет в 1380-х гг., но схвачен, продержан 4 месяца в замке и впоследствии отпущен, означает, что заговорщики «желали принудить существующего короля к новым уступкам». По мнению Э. Фюгеди, речь шла, прежде всего, о требовании лишить должностей и имений ту группу правящего слоя, которую составляли иностранные фавориты короля и из которой в течение 1390-х гг. этот новый, прибывший из немецких и чешских земель государь пытался создать собственную опору в Венгерском королевстве [Fügedi 1986, 283, 301–302].

Другой авторитетный венгерский медиевист XX в. Э. Маюс попытался выяснить, чем именно был спровоцирован мятеж. Он посчитал неслучайным, что произошло это лишь в 1401 г., через 14 лет после начала правления, именно после того, как Сигизмунд, ввязавшись в династическую войну с собственным братом, чешским королём Венцеславом, получил реальную возможность завладеть Чешским королевством, будучи поддержан тамошней шляхтой. Крайне интересно предположение Э. Маюса, который полагал, что вышеупомянутая «старая аристократия» во главе с канцлером Яношем Канижаи опасалась, что в случае успеха венгерский король мог использовать чешскую шляхту как политического противовеса венгерской знати. Неприязнь же к иностранным фаворитам короля в среде венгерского благородного сословия, по мнению этого историка, несогласного в этом с Э. Фюгеди, была не принципиальной причиной мятежа, но аргументом и тактикой, которую избрала аристократия для давления на короля [Mályusz 1984, 48–49].

По нашему мнению, наиболее приемлем и актуален подход, представленный в трудах Э. Маюса, П. Энгеля и Э. Фюгеди, которые рассматривали мятеж 1401 г. как заговор «старой аристократии» против правителя-чужака. Аргументированная позиция этих учёных опирается на тщательный анализ имеющихся документов. И чтобы быть более уверенным в ответе на вопросы, поставленные в начале нашей работы, необходимо их результаты дополнить анализом нарративных источников, особенно того из них, без которого не может обойтись ни одна базовая работа по политической истории Венгерского королевства в XIV–

XV вв.: без «Хроники венгров» Яноша Туроци. В своих более ранних трудах Э. Маюс отмечал способность венгерского хрониста к критическому анализу располагаемых им сведений, к поиску доказательств и выработке взвешенных суждений; тем удивительнее, что в своём 9-страничном очерке мятежа 1401 г. этот историк не ссылается на «Хронику» [Mályusz 1941, 60–62; Mályusz 1973, 90–91; Mályusz 1984, 47–55]. Конечно, нельзя не согласиться с современным венгерским историком Д. Кришто, что воспоминания современников нуждаются в том, чтобы «перепроверять их показания документами» [Kristó 2005, 17]. И всё же каждое повествование ценно как попытка интерпретации политической реальности своего времени, которая несёт в себе ту же (или, по крайней мере, более близкую, в отличие от нашей) логику мышления и поведения, которая была присуща самим действующим лицам. И во всякой отдельно взятой политической обстановке эта логика выступала как реальный фактор их поведения, что и призвана подчеркнуть настоящая статья.

Рассмотрим, каким представлял и трактовал мятеж Янош Туроци – придворный хронист короля Матяша Корвина (1458–1490), в 1488 г. окончивший свою «Хронику венгров». Исследования Э. Маюса продемонстрировали, что при написании своего труда Туроци привлёк ряд грамот придворной канцелярии [Mályusz 1941, 16–17; Mályusz 1973, 90–91; Commentarii... 1988, 250–251]. В «Хронике» причиной нелюбви венгров к Сигизмунду предстают позорное поражение под Никополем в 1396 г., коварное убийство 32 знатных мужей, заподозренных им в измене*, его тяга к «насилию над девами» (лат. *virginum violentae deditus corruptioni*) [Chronica Hungarorum 1766, 223]. Ввиду отсутствия каких-либо программных документов мятежа эти предполагаемые обвинения в адрес короля не поддаются проверке и потому восходят либо к устной традиции в среде венгерской знати, либо же к трактовкам и представлениям самого хрониста; в любом случае, делать вывод о действительных причинах мятежа на основании одной лишь «Хроники» не следует. Важно то, что Туроци не говорит ни слова о требовании, предъявляемом предводителями мятежников королю как условие его освобождения, заключив между собой договор от 31 августа 1401 г., а именно: «изъять все те замки, которые находятся в руках иностранцев как светского, так и духовного сословия в пределах границ Венгерского королевства»** [ZsO 1956, 114]. В немецких же хрониках, написанных за 70–80 лет до создания «Хроники венгров», неприязнь к королевским людям из числа иностранцев предстаёт как главный мотив для возмущения венгерских «земельных господ»; так, анонимный кёльнский хронист вложил в уста вышеупомянутого заговорщика, Шимона Сечени, требование изгнать из страны «богемцев, поляков и прочих чужаков» [Chronik über Sigmund 1876, 348]. В 1401 г. эта тема явно была на повестке дня. Об этом может свидетельствовать тот факт, что у венгерского автора более поздней «Хроники» она попросту отсутствует. Возможно, Туроци не посчитал конфликт между «венграми» и «чужаками» стоящим

* Вероятнее всего, хронист подразумевал расправу короля над кланами Лацкфи и Хедервари-Конт по наущению его канцлера Яноша Канижаи в 1397 г.

** «illa castra, que in manibus forensium laicarum videlicet et ecclesiasticarum personarum intra limites regni Hungarie ubilibet existunt <...> extrahere et excipere».

внимания своего читателя (если допустить, что он располагал какими-либо устными или письменными свидетельствами о нём). Но возможно и то, что политическая ксенофобия и сословная солидарность на самом деле не были столь сильны в среде венгерской аристократии эпохи Сигизмунда; по крайней мере, не были главными двигателями этого конфликта, если память об упомянутом требовании в венгерской среде так и не сохранилась. Некоторое подтверждение этому можно найти в тексте вышеупомянутого договора: мятежники согласились на то, чтобы свои владения и должности сохранил Штибор из Штибориц, наиболее могущественный из иностранных приближённых Сигизмунда, великопольский пан и венгерский барон. Современная словацкая исследовательница Д. Дворжакова предполагает, что к этой уступке мятежников подтолкнуло упорство, с которым этот выходец из Польши, инкорпорированный королём в венгерское благородное сословие (лат. *regnicolae*), оборонял собственные замки, а также те королевские, которые полагались ему вместе с должностью пожоньского ишпана, в особенности Нитру [Dvořáková 2000, 80]. Но не была ли в действительности эта уступка попыткой заручиться его нейтралитетом и посеять раскол в стане короля? Возможно, главной целью мятежной «старой аристократии» было не само изгнание чужаков из королевства, но именно сохранение своего влияния на короля, как утверждают Э. Фюгеди и Э. Маюс? И возможно, что предводители не всегда пытались добиться этого сообща?

Рассказ о заключении Сигизмунда приведён не только венгерским хронистом Туроци, но также иностранцами в умянутой анонимной кельнской хронике, и в биографии, составленной Энеем Сильвием Пикколомини [Chronica hungarorum 1766, 224–225; Chronik über Sigmund 1876, 349; Vita Sigismundi imperatoris 1837, 109]. Можно предположить, что эти варианты восходят к единому прототипу – придворному анекдоту, так как у них общая сюжетная канва: пленённый король добивается своего освобождения в диалоге со своими надзирателями – братьями Гараи и их матерью. Но в существующих, явно обработанных литературно, вариантах этого анекдота диалог происходит в двух разных ключах: у Пикколомини король сам предлагает своё покровительство в обмен на освобождение, тогда как вышеупомянутые хронисты создают картину шантажа законного и полновластного, но в действительности беспомощного короля, как, например, в анонимной кельнской хронике: «Он (один из братьев Гараи. – *Н. Н.*) подошёл со своей матерью к королю и сказал:

– Милостивый господин! Признаёшь ли, что ты у меня в руках, равно как жизнь твоя и смерть твоя?

– Да! Признаю, ведь, пожалуй, это так. Но всё же я твой господин и ты поклялся быть мне верен.

– И я хочу быть тебе верен, ты убедишься в этом. И хочу испытать превратности судьбы, которые могут выпасть на мою долю из-за этого и по твоей вине. И поэтому я весьма озабочен судьбой всех моих потомков, принимая во внимание угрозу мне и им со стороны всех господ венгерской земли (восставших против Сигизмунда. – *Н. Н.*).

Тогда король сказал, что воздаст за такую верность, как только вновь обретёт свою власть»*.

В трактовке Туроци, Сигизмунд пошёл даже на такой шаг, который в словном обществе, вероятно, считался крайним унижением собственного достоинства, что, впрочем, самим хронистом никак не отмечено. Король обратился «дрожащим голосом» к матери своих надзирателей: «теперь же, в сей день принимаю тебя как мать, их как братьев и верно клянусь соблюсти это в пользу твою и твоих сыновей»**. Дипломатика того времени ясно даёт понять, что «своим возлюбленным братом» (лат. *frater noster carissimus*), т.е. равным себе, король или император мог назвать лишь другого суверенного правителя (например, польского короля Владислава [Codex diplomaticus Lithuaniae... 1845, 336]); к собственным вассалам Сигизмунд обращался иначе, напр. «наш верный (слуга. – Н. Н.)» (лат. *fidelis noster*), либо «благородный муж» (лат. *vir magnificus*) по отношению к баронам – членам королевского совета [Katona 1790, 318]. Однако встречались и закономерные исключения: к примеру, Сигизмунд именовал герцога Австрийского, Альбрехта V Габсбурга «своим сыном» (ср. в. нем. *unser sun*) [см. например: Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Familienurkunden Habsburg Nr. 401/2], а не «младшим братом и князем» (ср. в. нем. *unser ohm und furst*) в силу того, что тот стал его собственным зятем. Примечательно, что король породнился и с Миклошем Гараи-младшим после того, как каждый из них взял в жёны одну из сестёр верхнеавстрийского графа Германна фон Цилли [Mályusz 1984, 50]. Возможно, что Туроци держал в уме именно этот позднейший брачный договор, состоявшийся в 1405 г., когда вложил обращение «братья» в уста ещё пребывавшего в заточении Сигизмунда; впрочем, сам король в своих письмах обращался к Миклошу Гараи лишь как к своему вассалу, пусть и «особенно милому» («*fideli nostro sincere dilecto*»), как например, в грамоте от 8 апреля 1431 г. [Hazai okmánytár 1879, 390]. Или же этот имевший склонность к высокопарным сравнениям и образам венгерский хронист просто хотел продемонстрировать искреннюю благодарность короля, обрадованного сочувствием со стороны матери сыновей Гараи, которая (согласно всем вариантам этого придворного анекдота) убедила тех пощадить своего пленника.

Не следует думать, что приведённый немецким либо венгерским хронистом диалог в действительности имел место; значение этого придворного анекдота в том, что как интерпретация политических отношений он сам по себе является «фактом культуры» (нем. *Kulturtatsache*) в терминологии В. Дильтея, характеризующая мышление конкретной исторической эпохи, то есть – в некоторой степени –

* und ging mit sinre moeter zu dem konink und sprach: «gnadiger here! bekents du, dat du nu in minen henden stest, als um din leben und um din sterben? der sprach: “ja! ich ken is, dat it were is. Doch so bin ich din here, und du hast mit geswaren treu und holt zu sin”. der graf sprach: “ich wil dir auch treu und holt sin, des salt du gewar werden. und dar wil umb zu eventuren stan, waz mir und van dinen gnaden derumb widerfaren mach. und ich umb al min erben des in grossen anxsten und varen stan entgan al lantheren”. der konink sprach: des solt allez gut raet werden, als verer er wider zu sinre macht komen mocht» [Chronik über Sigmund 1876, 349].

** «Ecce te in matrum, illos in fratres, hac die adapto; fidelique sub juramento; haec tibi et illis servare promitto» [Chronica Hungarorum 1766, 225].

и логику поведения реальных действующих сил тогдашнего общества: королевской власти и аристократии. Возможно, что Туроци яснее, чем современный человек, представлял себе политическую жизнь и механизмы власти в нач. XV в., хотя и писал 70–90 лет спустя после произошедших событий. Так, в уста матери сыновей-Гарай Янош Туроци вложил следующее увещание: «Ведь если вы его убьёте, как надеются в этом на вас его противники, позор пролития королевской крови навеки припишется вашим наследникам. И возможно, что иные надеются, что во веки веков будут обладать новою милостью, коли приведут нового короля; вы же при нём при таком будете ненавистны... Если же сей пленник вновь станет править и если это сотворите вы, то я уверяю вас: в ваших делах всегда будет ожидаться добрый исход»*. В этих словах проявилась важнейшая черта политической истории не одной Венгрии, но всей средневековой и, в особенности, Центральной Европы в целом: группировки высшей знати стремились выступать в качестве «делателей королей» и – в условиях позднесредневековых династических монархий – имели к этому все возможности. Ведь ни Люксембурги в Венгрии, ни Ягеллоны в Польше не могли полноценно опереться ни на королевский домен, ни на продолжительную традицию господства, что вкупе составляло тот политический капитал, которым обладали вымершие династии Арпадов и Пястов. И «делателем» данным случае выступил Миклош Гарай-младший, освободивший Сигизмунда из собственного плена.

Породнившись с королём, заполучив многие конфискованные владения в южной Венгрии, занимая с 1402 г. до своей смерти в 1433 г. должность надора, Миклош Гарай-Младший стал первым в среде венгерской знати [Archontológia 1996, 81]. Означает ли это, что, добившись свободы ценой обещаний и уступок, окончательно вернув себе королевство к 1403 г., Сигизмунд попал в зависимость от клана Гарай-Цилли? В венгерской историографии устоялась точка зрения, что важнейшим показателем властного потенциала главных политических сил в королевстве следует рассматривать соотношение королевского домена и частного землевладения. По подсчётам Б. Хомана и Д. Секфю, с 1387 г. до смерти правителя в 1437 г. король лишился почти двух третей королевских замков и поселений; в то же время 30 богатейших родов удвоили свои владения. Поэтому, по мнению этих учёных, Сигизмунд, подобно и своим предшественникам начиная с 1301 г., и большинству последующих правителей до 1526 г., был никем иным, как «королём группировки» (венг. *pártkirály*), опирающимся на союзы могущественных земельных господ [Hóman / Szekfű 1928, 331]. Сокращение королевского землевладения определённо означало сужение непосредственной социальной и материальной базы королевской власти; однако на фоне этой долговременной тенденции не должны теряться иные факторы политической жизни, не в последнюю очередь умение правителя выстраивать баланс сил. Как при-

* «Nam si illum, prout in vobis ejus sperant adversarii, interfeceritis, nota effusionis regalis sanguinis vestrae perpetuae adscribetur hereditati. Et licet caeteri in adducendo novo rege novis semper sperant gaudere munificentis; vos apud illum exosi eritis <...> Si vero captivus iste ulteriori regimine potietur, sique vos id feceritis, quae ipsa persuadeo, vestris in rebus semper finis bonus sperabitur; et apud eum pro quo genitor vester animam fudit, bene meriti eritis semper».

мер рассмотрим ситуацию с частными владениями и держаниями аристократии в Западной Венгрии – важнейшей части королевства, где находились столица (Буда), традиционное место коронации (Секешфехервар) и резиденция венгерского примаса, которому полагалось короля короновать (Эстергом).

Родовые владения Гараи состояли из 20 замков (в том числе Шиклош, Шимонторня, Рохонц, Девени), расположенных в северо-западной и юго-западной части королевства, а также в Славонии. Характерно, что Сигизмунд вверил братьям Гараи управление именно теми территориями и замками, которые находились вблизи домена клана Гараи, что было практикой, сложившейся в Венгерском королевстве ещё в Анжуйскую эпоху. Так, Миклош Гараи-младший был ишпаном Тренчена и Липто (1406–1410), Веспрема (1412) и Комарома (1422–1430), Янош Гараи – ишпаном Темеша (1402–1403) и Пожеги (1417), Дежё Гараи – баном Мачки (1419–1427, 1431–1437). Но впоследствии, в 1417 и 1430 гг., Сигизмунд передал две из северо-западных должностей отпрыскам другого рода – Розгони. В 1417 г. комитат Веспрем надолго перешёл в управление епископам Петеру (1417–1426) и Шимону Розгони (1428–1440) вместе с местной церковной епархией. В 1430 г. Дьёрдь Розгони сменил Миклоша Гараи на посту ишпана Комарома. Примерно в 50 км от Веспрема и Комарома (совр. Комарно в Словакии) расположены Чокакё и Витань – собственные замки Розгони. Иные держания этого клана (комитаты Пожонь, Нитра и Дьёр) были расположены в северо-западной Венгрии, где находились два других замка, принадлежавших этому клану – Шемпте и Чеклес. Ещё одно подтверждение того, что король вверял управленческие должности именно родам, которые были сильны в том или ином регионе. В то же время Веспрем и Комаром как раз отделяют зоны влияния этих двух кланов – Юго-Запад (Гараи) и Северо-Запад (Розгони). Что же касается иных комитатов под управлением Гараи в северо-западной Венгрии, то они так же постепенно и надолго перешли к другим родам: Берзевици (Липто) и Перени (Тренчен) [Archontológia 1996, 80–81; 206–207]. Тем не менее в юго-западных частях королевства Гараи сохранили за собой и свою обширную вотчину, и управленческие должности (банство Мачки), равно как до 1433 г. обладали чином надора, который затем был передан представителю третьего клана – Матюшу Палоци (Páloci Matyus).

Нет возможности более подробно остановиться здесь на внутривнутриполитических перестановках и изменениях в соотношении сил между кланами в ходе периода, характерной чертой которого стало «укрепление королевской власти» (1403–1437) [Magyarország története... 1998, 136]. Тем не менее данный пример демонстрирует две характерные тенденции, проявившиеся в это время. Во-первых, в результате политики раздачи должностей в отдельных частях королевства формировались целые кластеры частной власти из частновладельческих замков и королевских комитатов, отданных в управление. Подобным образом формировались и «государствообразующие» политические кланы: Гараи доминировали в юго-западной Венгрии; Розгони – в северо-западной; Перени – в северо-восточной; Палоци и Орсаг – в центральной; Чаки – в Трансильвании; Таллоци – в Темеше, Хорватии и Славонии. Во-вторых, следует согласиться с Палом Энгелем, который утверждает, что подобная квази-олигархия из

7–8 кланов в силу взаимного соперничества между ними создавала неразрешимое внутреннее напряжение [Engel 1977, 82]. Поэтому представляется закономерным, что уже после смерти Сигизмунда, в 1440 г. произошёл раскол олигархии на две части, когда свои претензии на венгерский трон выдвинул польский король Владислав Ягеллон. Его поддержали непосредственные соседи Польши – северные роды Розгони, Перени, Палоци, а также Таллоци на Юге, в то время как остальные южно-венгерские магнаты (Гарай, Цилли и Канижаи) выступили на стороне Елизаветы, дочери Сигизмунда.

Была олигархическая система власти результатом целенаправленной королевской политики или же возникла независимо от воли короля, в любом случае Сигизмунд её контролировал. Его умение манипулировать и держать в подчинении сильных подвластных отразилось в венгерских, немецких и чешских хрониках. Так, Туроци описывает, что один из бывших предводителей взбунтовавшихся венгров, Иштван Шимонторняи, несколько легкомысленно явился по призыву короля в Уйудвар в 1405 г. вместе с другими знатными, где был схвачен и обезглавлен прямо во время обсуждения государственных дел [Chronica Hungarorum 1766, 226–227; Commentarii 1988, 255–256]. Хронист восхваляет политическую ловкость «мудрого короля», который ввёл в заблуждение «своих подлых подданных, протянув им колючку, окрашенную в сладость мнимой милости»; так Сигизмунд без излишнего кровопролития ликвидировал группировку Шимонторняи, который, по рассказу Туроци, привёл с собой в город столько же вооружённых людей, сколько и сам король*. Королевский биограф Эберхард Виндеке сообщает также о «ловком» обхождении Сигизмунда с побеждёнными бунтарями. В его трактовке победивший король предоставил сдавшимся на его милость венгерским господам «очень славные грамоты», которыми освободил их от вины; «но он не забыл это их преступление против него», – продолжает Виндеке, – «так как впоследствии лишил жизни их всех, не злыми делами, но – там, где ему было нужно – борьбой против язычников и других: он поставил их в первых рядах, так что им пришлось искупить свои грехи, некоторым же – и умереть, как они и должны были»**. Видимо, здесь немецкий автор имел в виду активную военную политику Сигизмунда, организатора походов против Османов и чешских еретиков-гуситов, политику, в глазах биографа короля всячески одобряемую и необходимую для защиты католической веры, оправдывающую любые средства и жертвы. Эта же черта характера и поведения короля угадывается и в одном эпизоде «Гуситской хроники» Лаврентия из Бржезовой. Тот описывает спор короля с моравским предводителем Индржихом из Прумлова, состоявшийся перед битвой при Вышеграде (1 ноября 1420 г.). Мораванец отговаривал его биться с гуситами ночью, в ответ же получил следующие слова: «Я знаю, что вы, мораване, трусливы и мне неверны». Гордый пан заявил

* «hamum dulcedine simulatae benevolentiae tinctum humilibus tendebat regnicolis».

** «do gap er in gar gût brife, das si irer missetat, die si an im begangen hetten, aller lidig weren. aber er vergaß ir nit, wenne er brocht sie alle hernoch umb ir leben, nit mit boßheit, sonder, wo es im not beschach, mit strit gegen den heiden und anderßwo; do bevalch er in das banier und die spitze, das sie müsten ire sünde büssen und ir etlich sterben dabumbe müsten und soltent» [Windecke 1893, 15].

на это: «Мы готовы идти, куда прикажешь, и будем там, где ты, король наш, не будешь». Тогда Сигизмунд указал им наименее выгодную позицию: моравы были вынуждены спешиться и наступать через заболоченную лошину [Vavřinec z Březové kronika husitská 1893, 440]. Битва закончилась неудачно, а гуситы получили повод обвинить короля в том, что «он свернул шею более чем пятистам знатнейшим тем, что послал вперед панов, рыцарей и кнехтов чешского языка, но не захотел или не сумел их спасти» [Archiv český... 1844, 218]. Возможно, так король пожелал «отомстить» своим ненадёжным чешским сторонникам, католическим панам, во время летней кампании 1420 г. пообещавшим ему договориться с гуситами и добыть ему Прагу, но не сдержавшим своего слова. Иначе эту ситуацию описывает вышеупомянутый Эберхард Виндеке. По сообщению этого вероятного очевидца сражения, король увидел причину поражения в измене чешского пана Микеша Дивучка из Йемниште с его пятью сотнями конных, вспылал гневом и заявил: «Вы, чехи, все поголовно еретики и предатели; если бы вы остались с нами, то достойные слуги и господа не погибли бы и Прага была бы сегодня наша!»**. В любом случае следует признать, что Сигизмунд обладал если не умением, то ярко выраженным стремлением, чертой характера, необходимой для любого правителя: желанием манипулировать людьми с помощью ласки и устрашения, готовностью использовать их для достижения собственных целей. Приведённые примеры демонстрируют, насколько важную роль в условиях персонализма средневековой власти играли характер, способности и харизма правителя.

Подведём итоги. В условиях смены династии в Венгерском королевстве выдвинувшиеся к 1387 г. знатные роды стремились не только сохранить за собой собственные позиции, но и контролировать верховную власть, то есть самого молодого Люксембурга, выступая как единственно возможный оплот его власти. Глубинной причиной мятежа 1401 г. было не покровительство короля своим немногочисленным иностранным фаворитам, но стремление старой венгерской знати предшествующей Анжуйской эпохи удержать этот контроль, что неизбежно было бы осложнено в случае захвата Сигизмундом власти в Чешском королевстве. Мятеж 1401–1403 гг. имел характер политического конфликта между главными политическими силами позднесредневековой европейской монархии – королевской властью и аристократией; тем не менее, сплочённость последней против короля не следует абсолютизировать. Реализовать свои властные и имущественные притязания тот или иной знатный клан мог двояко: объединившись в группировку с другими для давления на короля и – при благоприятном стечении обстоятельств – в индивидуальном порядке, с исключительно личной выгодой. Наибольшую пользу из мятежа извлекли Гараи, которые сначала выступили против короля в союзе с другими, а затем

* «Scio, inquit, quod vos Moravi estis timidi et michi non fideles»; «Ecce jam sumus parati ire, ubi mandas, et ibi erimus, ubi tu, rex, non eris»; «pany, rytíře a panoše jazyka Českého, jím zrádci nadáwaw, i napřed je šikoval, a jich retowati nechťe aneb nesměje a moha, wiece než do pěti set najčelnějších o hrdla jest připravil».

** «ir Behemer, ir sint alle sampt ketzer und verreter; weren ir bi uns bliben, so weren die fromen lút nit erslagen und die herren, und wer Proge uf disen tag unser» [Windecke 1893, 135]

стали союзниками Сигизмунда, новообретённая верность которых была щедро оплачена.

Представляется необходимым историческое значение рассматриваемого события сформулировать в свете проблемы политического дуализма. С формальной точки зрения, мятежная «старая аристократия» под предводительством Яноша Канижаи и Детре Бебека потерпела поражение в открытой борьбе с королём; в действительности же победа Сигизмунда была бы невозможна без тех дружественных шагов и уступок по отношению ко клану Гараи, на которые он, без сомнения, был вынужден пойти, находясь в плену. Исследование мятежа 1401 г., а также последующего правления короля ясно продемонстрировало, что знать (будь то отдельные кланы, либо их группировки) оказалась в состоянии реализовать свои притязания, выступая не как соперник короля, но как его ключевой партнёр. Это не означало автоматически радикального ослабления центральной власти: Сигизмунд был в состоянии не только добиваться исполнения своей воли путём поощрений и уступок, но и выстроить контролирующую политическую систему. В Венгерском королевстве 1403–1437 гг. дисперсия власти парадоксальным образом превратилась в инструмент реализации королевской политики, тем самым предложив своё собственное решение проблемы политического дуализма в феодальном обществе. В условиях неразвитости городских и дворянских организационных структур у Сигизмунда не было альтернативы и он пошёл по единственному возможному пути: выстроить свою политическую систему на взаимодействии с аристократией и старой (Гараи), и новой (Розгони, Перени, Палоци), возвышенной им самим. С другой стороны, в исторической перспективе этот путь делал невозможным континуирует королевской политики, так как всякий новый венгерский король, как например Матяш Корвин (к тому же, отныне избираемый той же знатью в условиях естественной непродолжительности правления отдельных династий, а также торжества принципа выборности над принципом наследования), – был вынужден тем или иным способом доказывать своё право правления тому «эстеблишменту», на который опирался его предшественник.

Продолжением исследования неудачного мятежа венгерской знати против Сигизмунда должно стать привлечение к сравнению параллелей из чешской и германской истории; ведь панские мятежи в Чешском королевстве в 1394–1396 гг. и в 1402–1403 гг., напротив, по выражению известного чешского историка В. Спевачка, «целиком убедили» чешского короля Венцеслава, брата Сигизмунда, «в том, что тот может удержать собственную верховную власть, лишь если будет поддержан этим правящим слоем общества» [Spěvák 1986, 358]. Равным образом необходимо выяснить, был ли успех имперских курфюрстов, свергнувших Венцеслава с римского престола в 1400 г., обусловлен одной лишь слабохарактерностью этого правителя либо тем, что в сознании политической элиты утвердилась мысль, что «королю следует править именно в интересах Империи», как заключил Э. Шуберт [Schubert 2005, 420]. Возможно, при сопоставлении данных конкретно-исторических случаев обнаружится некоторая закономерность, которая прояснит специфику социально-политического развития Центральной Европы в XIV–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. 313 с.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské / Vydal Fr. Palacký. D. 3. Praha, 1844. 628 s.

Archontológia = Magyarország világi archontológiája, 1301–1451 / Összeáll. Engel P. 2. köt. Budapest, 1996. 266 l.

CDH = Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Studio et opera Georgii Fejér. T. X. Vol. I. Ab anno Christi 1382–1391. Budaë, 1834. 759 p.

Chronica Hungarorum = Scriptorum rerum hungaricarum veteres ac genuini / Cura et studio Ioannis Georgii Schwandtneri. Vindobonae, 1766.

Chronik über Sigmund = *Cardauns H.* Chronik über Sigmund, König von Ungarn // Forschungen zur deutschen Geschichte. Jg. 16. 1876. S. 335–350.

Codex diplomaticus Lithuaniae (1253–1433) / E codicibus manuscriptis in archivio secreto Regiomontano asservatis edidit Eduardus Raczynski. Vratislaviae, 1845. 391 p.

Commentarii = Johannes de Thurocz Chronica Hungarorum. T. II. Commentarii. P. 2. Ab anno 1301 usque ad annum 1487 / Composuit Elemér Mályusz. Budapest, 1988. 500 p.

Długosz = Jana Długosza roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego. Ks. 10. Warszawa, 2009. 383 s.

Dvořáková D. Rytier a jeho kráľ: Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. Sonda do života stredovekého uhorského šľachtica s osobitným zreteľom na územie Slovenska. Budmerice, 2000. 527 s.

Eckhart F., Bónis Gy. Magyar állam- és jogtörténet. Budapest, 1953. 226 l.

Elekes L. Rendiség és központosság a feudális államokban. Problémák a kérdés-kelet-európai vonatkozásainak kutatásában, különös tekintettel a XV. századi Magyarországi viszonyaira. Budapest, 1962. 123 l.

Engel P. Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmond-korban. Budapest, 1977. 229 l.

Engel P. Zsigmond bárói // Honor, vár, ispanság. Válogatott tanulmányok. Budapest, 2003. 225–247. l.

Fügedi E. Ispánok, bárók, kiskirályok. A középkori magyar arisztokrácia fejlődése. Budapest, 1986. 422 l.

Hazai okmánytár = Codex diplomaticus patrius hungaricus. T. 7 / Studio et opera Arnoldi Ipolyi, Emerici Nagy et Desiderii Vég hely. Budapest, 1880. 496 l.

Hóman B., Szekfű Gy. Magyar történet. 2. köt. Budapest, 1928. 694 l.

Itinerárium = Királyok és királynék itineráriumi (1382–1438) / Szerk. Engel Pál és C. Tóth Norbert. Budapest, 2005. 187 l.

Jurok J. Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce. České Budějovice, 2006. 299 S.

Katona S. Historia critica regum Hungariae stirpis mixtae. Tomus IV. Pest, 1790. 747 p.

Kristó Gy. Károly Róbert családja // Aetas. 20. évf. 2005. 4. sz. 14–28. l.

Magyarország története (1301–1526) / Szerk. Engel Pál, Kristó Gyula, Kubinyi András. Budapest, 1998. 420 l.

Mályusz E. Királyi kancellária és krónikaírás a középkori Magyarországon. Budapest, 1973. 109 l.

Mályusz E. Thuróczy János krónikája. Budapest, 1941. 63 l.

Mályusz E. Zsigmond király uralma Magyarországon. Budapest, 1984. 338 l.

Österreichisches Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Familienurkunden Habsburg Nr. 401/2.

Schubert E. Königsabsetzung im deutschen Mittelalter. Eine Studie zum Werden der Reichsverfassung. Göttingen, 2005. 613 s.

Szentpétery I. Az országos tanács 1401-ben // Századok. 38. évf. 1904. 759–769. l.

Szűcs J. Nemzet és történelem. Budapest, 1984. 666 l.

Vavřince z Březové kronika husitská = Fontes rerum bohemicarum / Vydal J. Goll. Vol. 5. Praha, 1893. S. 327–534.

Vita Sigismundi imperatoris = Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte / Hrsg. v. F. Palacký. Prag, 1938.

Wenzel G. Stibor vajda. Életrajzi tanulmány. Budapest, 1874. 215 l.

Windecke E. Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds / Hrsg. von W. Altmann. Berlin, 1893. 591 s.

ZsO = Zsigmondkori oklevéltár. II. köt. 1. rész. Budapest, 1956. 658 l.

Поступила в редакцию 15.03.2018

Наумов Николай Николаевич,

аспирант

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

e-mail: nn-naumov@mail.ru

N. N. Naumov

The Revolt of the Hungarian Nobility in 1401

The paper examines one of the insufficiently studied internal political conflicts in the Kingdom of Hungary of the Late Medieval period. The present study of its essential cause, character and historical consequences is based on the analysis of charters issued by King Sigismund and his political opponents at the head of the Hungarian nobility. The article offers a new approach towards the relevant narrative sources, especially the Chronicle of János Thuróczy. In the Hungarian historiography there are two opinions on the revolt, developed by medieval studies in the 20th century. Further research proves the position of those historians who consider the revolt to be plotted by the Hungarian court elite against their own king. The revolt was organized by the Hungarian “old aristocracy” of Angevin time to keep their king under control. Sigismund with a foreign dynasty background had a chance to become the King of Bohemia and to use the Bohemian nobility as a counterpoise towards the Hungarian one. However, each insurgent noble clan had its own interests. It could be exemplified by the fact that Miklós Garai, one of the rebellious leaders, colluded with the king. The “old aristocracy” was defeated; however, Sigismund’s victory would have been impossible without the concessions to the Garai. The historical importance of the revolt is that this noble clan was able to realize its power claims not in rivalry, but in the cooperation with the king on the ground that loyalty should be awarded. Nonetheless, within the Kingdom of Hungary Sigismund managed to build a controlled political system in which dispersion of power became the tool for pursuing the royal policy.

Keywords: Sigismund of Luxemburg, Miklós Garai, Rozgonyi clan, Hungarian nobility, «old aristocracy», court elite, «estate movement», internal political conflicts, political dialogue, Late Medieval monarchies, narrative sources, Chronica Hungarorum by János Thuróczy, sociopolitical history, Central Europe in the 15th century, Luxemburg dynasty.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2018, vol. 12, issue 2, pp. 78–93. In Russian.

REFERENCES

Khachaturjan N. A. *Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka* [Power and society in Western Europe in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 313 p. In Russian.

Archiv český, čili staré písemné památky české a moravské. Ed. F. Palacký. Vol. 3. Praha, Kronberg a Řivnáč Publ., 1844. 628 p.

Archontológia = *Magyarország világi archontológiája, 1301–1451.* Ed. P. Engel. Vol. 2. Budapest, MTA Történettudományi Intézete Publ., 1996. 266 l.

CDH = *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis.* Ed. Georgius Fejér. Vol. 10. P. 1. Ab anno Christi 1382–1391. Buda: Typographiae regiae universitatis ungaricae Publ., 1834. 759 p.

Chronica Hungarorum = *Scriptores rerum hungaricarum veteres ac genuini.* Ed. Ioannes Georgius Schwandtner. Vindobonae, Ioannis Pauli Kraus Publ., 1766.

Chronik über Sigmund = **Cardauns H.** Chronik über Sigmund, König von Ungarn. *Forschungen zur deutschen Geschichte*, 1876, vol. 16. 1876, pp. 335–350.

Codex diplomaticus Lithuaniae (1253–1433). Ed. Eduardus Raczynski. Vratislaviae, Sigismundi Schletter Publ., 1845. 391 p.

Commentarii = *Johannes de Thurocz Chronica Hungarorum.* Vol. 2. Commentarii. P. 2. Ab anno 1301 usque ad annum 1487. Ed. Mályusz Elemér. Budapest, Akadémiai Publ., 1988. 500 p.

Długosz = *Jana Długosza roczniki czyli kroniki sławnego królestwa polskiego.* Vol. 10. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 2009. 383 p.

Dvořáková D. *Rytier a jeho král: Stibor zo Stiboric a Žigmund Luxemburský. Sonda do života stredovekého uhorského šľachtica s osobitným zreteľom na územie Slovenska.* Budmerice, Rak Publ., 2000. 527 p.

Eckhart F., Bónis Gy. *Magyar állam- és jogtörténet.* Budapest, Felsőoktatási Jegyzetelátó Vállalat Publ., 1953. 226 p.

Elekes L. *Rendiség és központosság a feudális államokban. Problémák a kérdés kelet-európai vonatkozásainak kutatásában, különös tekintettel a XV. századi Magyarországi viszonyaira.* Budapest, Akadémiai Publ., 1962. 123 p.

Engel P. *Királyi hatalom és arisztokrácia viszonya a Zsigmond-korban.* Budapest, Akadémiai Publ., 1977. 229 p.

Engel P. Zsigmond bárói. *Honor, vár, ispánság. Válogatott tanulmányok.* Budapest, Osiris Publ., 2003. Pp. 225–247.

Fügedi E. *Ispánok, bárók, kiskirályok. A középkori magyar arisztokrácia fejlődése.* Budapest, Magvető Publ., 1986. 422 p.

Hazai okmánytár = *Codex diplomaticus patrius hungaricus.* Vol. 7. Ed. Arnoldus Ipolyi, Emericus Nagy et Desiderius Véghegy. Budapest, Kocsi Sándor Publ., 1880. 496 p.

Hóman B., Szekfű Gy. *Magyar történet.* Vol. 2. Budapest, Valtó Zoltán Publ., 1928. 694 p.

Itinerárium = *Királyok és királynék itineráriumi (1382–1438).* Ed. Pál Engel és Norbert C. Tóth. Budapest, MTA Történettudományi Intézete Publ., 2005. 187 p.

Jurok J. *Příčiny, struktury a osobnosti husitské revoluce.* České Budějovice, Veduta Publ., 2006. 299 p.

Katona S. *Historia critica regum Hungariae stirpis mixtae.* Vol. 4. Pest, Regiae universitatis Publ., 1790. 747 p.

Kristó Gy. Károly Róbert családja. *Aetas*, 2005, vol. 20, no. 4, pp. 14–28.

Magyarország története (1301–1526). Ed. Pál Engel, Gyula Kristó és András Kubinyi. Budapest, Osiris Publ., 1998. 420 p.

- Mályusz E.** *Királyi kancellária és krónikairás a középkori Magyarországon.* Budapest, Akadémiai Publ., 1973. 109 p.
- Mályusz E.** *Thuróczy János krónikája.* Budapest, MTA Publ., 1941. 63 p.
- Mályusz E.** *Zsigmond király uralma Magyarországon.* Budapest, Gondolat Publ., 1984. 338 p.
- Österreichisches Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Familienurkunden Habsburg Nr. 401/2.
- Schubert E.** *Königsabsetzung im deutschen Mittelalter. Eine Studie zum Werden der Reichsverfassung.* Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2005. 613 p.
- Szentpétery I.** Az országos tanács 1401-ben. *Századok*, 1901, vol. 38, pp. 759 – 769.
- Szücs J.** *Nemzet és történelem.* Budapest, Gondolat Publ., 1984. 666 p.
- Vavřince z Březové kronika husitská = *Fontes rerum bohemicarum.* Ed. Jaroslav Goll. Vol. 5. Praha, Františka Palackého Publ., 1893.
- Vita Sigismundi imperatoris = *Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837 zur Aufsuchung von Quellen der böhmischen und mährischen Geschichte.* Ed. František Palacký. Prag, Haase Publ., 1938.
- Wenzel G.** *Stibor vajda. Életrajzi tanulmány.* Budapest, Eggenberger-féle akadémiai Publ., 1874. 215 p.
- Windecke E.** *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds.* Ed. Wilhelm Altmann. Berlin, R. Gaertners Publ., 1893. 591 p.
- ZsO = *Zsigmondkori oklevéltár.* Vol. 2. P. 1. Budapest, Akadémiai Publ., 1956. 658 p.

Received 15.03.2018

Naumov Nikolai Nikolaievich,

Post-graduate student,

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

e-mail: nn-naumov@mail.ru